

В. А. ШКЕРИН

**ПРИМЕНЕНИЕ ТЕОРИИ ПСИХИЧЕСКОЙ УСТАНОВКИ
ПРИ ИЗУЧЕНИИ ВОЛНЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН
ЗАУРАЛЬЯ 1842—1843 гг.**

Возникновение новых научных проблем и направлений, как правило, никем не планируется; долгое время они могут быть незаметными «золушками», прежде чем им будет уделено должное внимание¹. Благодаря этому обстоятельству решение вопроса о том, кого считать основоположниками тех или иных научных теорий во многом зависит от субъективных критериев, выбранных учеными. Вопрос об основоположнике теории психической установки — не исключение. «Точка отсчета зависит от вкуса, — пишет американский социолог Джеймс Э. Дэвис, — и несомненно, что уже Аристотелю было что сказать об установках. Но для тех из нас, чей исторический горизонт уже, Гордон Олпорт предлагает в качестве отца-основателя исследований установок Герберта Спенсера, поскольку это слово появляется в 1862 году в его книге «Первые принципы»². Сам Дэвис считает, что лучше признать началом исследований установок знаменитую работу У. И. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке»³, так как именно их позиция в изучении данного психического феномена первой нашла себе сторонников и последователей. В любом случае к настоящему времени история изучения темы насчитывает несколько десятилетий и включает немало блестящих имен⁴, хотя, по словам того же Дэвиса, «установка относится к числу наиболее изученных и наименее четко определенных переменных, кото-

¹ Основы науковедения. М., 1985. С. 295—296.

² Дэвис Д. Э. Социология установки // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 55.

³ Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. Boston, 1918.

⁴ Allport G. W. Attitudes // The Handbook of Social Psychology. Worcester, 1935. P. 798—844; Прайгшвили А. С. Исследование по психологии установки. Тбилиси, 1967. С. 5—22; Надирашвили Ш. А. Понятие установки в общей и социальной психологии. Тбилиси, 1974. С. 5—29; Он же. Установка и деятельность. Тбилиси, 1987. С. 6—30; Бассин Ф. В. Актуальность проблемы бессознательного на современном этапе развития психологических представлений // Филос. науки. 1990. № 3. С. 43—53.

рыми оперирует социальная наука»⁵. В советской психологической науке исследованию установки посвящены труды прежде всего представителей «грузинской школы» — учеников и последователей Д. Н. Узнадзе⁶.

Сегодня было бы уже ошибкой ограничивать область применения теории установки только общей и социальной психологией. Родившись и окрепнув в сфере интересов этих наук, теория психической установки перестала быть их безраздельной вотчиной и теперь активно используется в социологии, политологии, кибернетике, этнографии и даже экономике⁷. Данная статья является попыткой применения теории установки в исторической науке.

Но прежде необходимо совершить краткий экскурс в современную социальную психологию — науку, претендующую на роль теоретической базы исторической психологии. Это одна из самых молодых социальных наук, и процесс ее становления явно затягивается. Имеются серьезнейшие разногласия в определении предмета социальной психологии, далеки от ясности ее взаимоотношения с психологией и социологией, нет надежд на близкое завершение процесса унификации понятийного аппарата. В методологии социальной психологии существуют два определяющих и принципиально различных подхода к действительности. Один из них — психологический — рассматривает любую социальную общность как совокупность индивидов. Главной исходной посылкой исследований здесь является утверждение, что психические процессы, присущие личности, малым и большим социальным общностям, до известной степени подобны друг другу. Другой подход — социологический, или социально-исторический, — напротив, исходит из того, что социально-психические явления имеют надындивидуальную сущность, и основой исследований в данном случае выступают социальная структура общества, характеристики исторической эпохи и прочие социальные факторы. Споры между сторонниками разных подходов обострились настолько, что сейчас уже можно услышать мнения о существовании двух социальных психологий, минимум — двух автономных направлений в рамках одной науки⁸, макси-

⁵ Дэвис Д. Э. Указ. соч. С. 54.

⁶ Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961; Бжалава И. Т. Психология установки и кибернетика. М., 1964; Норакидзе В. Г. Типы характера и фиксированная установка. Тбилиси, 1966; Он же. Темперамент личности и фиксированная установка. Тбилиси, 1970; Чхартишвили Ш. Н. Некоторые спорные проблемы психологии установки. Тбилиси, 1971; Надирашвили Ш. А. Психическая природа восприятия. Тбилиси, 1976; Чарквани Д. А. Информация, противоречие и смена социальных установок. Тбилиси, 1980; и др.

⁷ Бассин Ф. В. Предисловие // Бжалава И. Т. Указ. соч. С. 3; Филиппов В. Р. Теория установки в психологии, социологии и этнографии // Источниковедение массовых источников. М., 1988. С. 41—55.

⁸ Робер М.-А., Тильман Ф. Психология индивида и группы. М., 1988. С. 33.

мум — двух самостоятельных наук⁹. Ущербность обоих подходов нам кажется очевидной — оба страдают недостатком диалектики общего и единичного. Очевидно и то, что истина кроется в сочетании этих двух подходов, и попытки такого сочетания предпринимались уже на заре социальной психологии¹⁰. Однако и в настоящее время как в советской¹¹, так и в зарубежной¹² литературе все еще ставится вопрос о выработке единого социально-психологического подхода, и до решения этой задачи, видимо, еще далеко.

Решаясь в таких условиях на попытку историко-психологического исследования, необходимо использовать один из вышеизложенных подходов, не пытаясь, впрочем, обосновать свой выбор как единственный ведущий к истине. То обстоятельство, что феномен установки исследовался экспериментальным путем либо у отдельных личностей, либо у небольших групп, заставляет выбрать для данного исследования первый подход.

Итак, что же такое установка? Определений существует множество, но так как дальнейшее исследование будет строиться на фундаменте парадигмы «грузинской школы», то логично было бы принять и выработанное ею определение. Установка, в понимании Д. Н. Узнадзе, есть «целостное, динамическое состояние субъекта, состояние готовности к определенной активности, претворяющее и направляющее эту активность, состояние, которое обуславливается двумя факторами: потребностью субъекта и соответствующей объективной реальностью»¹³.

Установка возникает из определенной потребности и прекращает свое действие с удовлетворением последней или исчезновением ее по иным причинам. Если потребность не может быть удовлетворена сразу, то установка, ею вызванная, фиксируется на все время существования потребности. Это не означает, что действие, на которое направлена установка, будет повторяться без конца. Потребности — явление объективно-субъективное, они формируются под влиянием объективных условий и проявляют свою субъективность прежде всего в процессе превращения их в объект целенаправленного действия. Деятельность вызывается лишь теми потребностями, которые с точки зрения субъекта имеют реальную перспективу удовлетворения. Если субъект не видит такой перспективы, потребность и, соответственно, установка не вызывают непосредственного действия и вы-

⁹ Ньюком Т. М. Социально-психологическая теория: интеграция индивидуального и социального подходов // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1984. С. 16.

¹⁰ Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. Пг., 1921; Артемов В. А. Введение в социальную психологию. М., 1927.

¹¹ Уледов А. К. Актуальные проблемы социальной психологии. М., 1981. С. 11—24.

¹² Ньюком Т. М. Указ. соч. С. 16—31.

¹³ Натадзе Р. Г. Экспериментальные основы теории установки Д. Н. Узнадзе // Психологическая наука в СССР. М., 1960. Т. 11.

ступают как латентные (скрытые)¹⁴. Изменение ситуации, дающее субъекту надежду на удовлетворение его потребности, не только переводит установку из латентного в актуальное состояние, но и уточняет будущее действие.

Вот тот минимум знаний по теории установки, который необходим для начала данного исследования и который в ходе его будет пополняться.

З. К. Янель пишет: «Хотя причины для взрыва никогда не исчезали из жизни народа, непредсказуемо, когда и какая из них окажется толчком, запускающим в ход механизм действия»¹⁵. Пока с данным утверждением невозможно не согласиться, но можно попытаться объяснить, как «этот механизм запускается в действие» в ситуациях, которые для этого не дают, казалось бы, достаточных оснований. Наглядным примером могут послужить волнения государственных крестьян, вспыхнувшие в ответ на реформу, проводившуюся министром государственных имуществ П. Д. Киселевым в начале 40-х гг. XIX в. (они получили в дореволюционной литературе название «картофельные бунты»).

В свое время Н. М. Дружинин посетовал, что «о государственных крестьянах и реформе Киселева существует очень богатая литература». Наиболее существенный вклад в исправление создавшегося положения был внесен самим Дружининым¹⁶. Он же сделал историографический обзор темы¹⁷. Правда, следует отметить, что применительно к уральскому региону Дружинин не использовал ряд работ своих предшественников¹⁸.

---

¹⁴ Чангли И. И. Труд. Социологические аспекты теории и методики исследования. М., 1973. С. 72; Зотова О. И., Новиков В. В., Шорохова Е. В. Особенности психологии крестьянства. М., 1983. С. 38; и др.

¹⁵ Янель З. К. Феномен стихийности и повстанческая организация массовых движений феодального крестьянства России // История СССР. 1982. № 5. С. 89.

¹⁶ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева: В 2 т. Т. 1. М., 1946; Т. 2. М., 1958; Он же. Массовое антикрепостническое движение и политика царизма в 1826—1852 годах // История СССР с древнейших времен до наших дней. Сер. 1, т. IV. 1967. С. 284—285, 295—299.

¹⁷ Он же. Государственные крестьяне ... Т. 1. С. 6—17.

¹⁸ Зырянов А. Н. Шадринский уезд в апреле 1842 г. // Пермский сборник. М., 1860. Кн. 2; Он же. Крестьянские волнения в Зауральском крае Пермской губернии в 1842—1843 гг. // Рус. старина. 1883. № 9; Он же. Крестьянское движение в Шадринском уезде Пермской губернии в 1843 г. // Древняя и новая Россия. 1879. № 11; Середа Н. Позднейшие волнения в Оренбургском крае // Вестн. Европы. 1868. № 4. 8; Андреевский. Картофельный бунт в Вятской губернии // Ист. вестн. 1881. Т. V; Дмитриев А. А. «Картофельный бунт» в России и новый материал к его истории в Пермской губернии. М., 1882; Кривошеков А. И. Крестьянский бунт в Челябинском уезде // Вестн. Оренб. уч. округа. Уфа, 1912. № 6; Кокосов В. Я. Картофельный бунт // Ист. вестн. 1913. Т. V. С. 600—608; Ордынцев-Костринский Н. «Тартуфель» на Туре (Эпизод «картофельного» движения 1843 года) // Наша старина. 1914. № 1. С. 19—28; Савич А. А. Из истории крестьянских волнений на Урале в первой половине XIX века // Перм-

Волениям 1842—1843 гг. было уделено внимание в некоторых работах, увидевших свет между изданиями первого и второго томов монографии Дружинина¹⁹. Не закончилось изучение темы и после выхода этого фундаментального труда²⁰; были опубликованы некоторые источники²¹. На сегодняшний день работанности данной темы могут позавидовать многие другие, не менее значительные.

Дадим самое краткое изложение событий. В начале 30-х гг. XIX в. российские власти решили вывести из удельного ведомства ряд заурядых имений и заменить их высокодоходными государственными, укрепив этим имущественное положение царской семьи. Первый такой обмен состоялся еще в 1829 г. в Симбирской губернии. Этот факт наэлектризовал обстановку не только в Поволжье, но и в Приуралье. Уже в начале 1830 г. государственные крестьяне Пермской и Вятской губерний восприняли увеличение норм «запасного хлеба» и замену на офи-

ский краеведческий сборник. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 57—63; Он же. Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVIII—XIX вв. М., 1931. С. 61—62; Наумов А. Картофельный бунт // Урал. следопыт. 1935. № 3. С. 74—75.

¹⁹ Линков Я. И. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825—1861 гг. М., 1952. С. 56—72; Горловский М. А., Пятницкий А. Н. Из истории рабочего движения на Урале. Очерки о положении крепостных рабочих Среднего Урала и их борьбе за ликвидацию крепостничества (1800—1870 гг.). Свердловск, 1954. С. 224—232, 264—269; Плющевский Б. Г. Государственные крестьяне Вятской губернии в первой половине и середине XIX в. // Зап. Удм. науч.-исслед. ин-та истории, языка, литературы и фольклора. Ижевск, 1955. Вып. 17. С. 143—150.

²⁰ Бочарникова В. И. Реформа П. Д. Киселева и государственные крестьяне Тобольской губернии в 1843 г. // Ист. зап. 1961. Т. 70. С. 285—295; Яровой Г. В. Борьба государственных крестьян за землю в первой половине XIX в. // Вопросы истории Урала. Проблемы экономической и социальной истории. Свердловск, 1969. Сб. 8. С. 83—89 (Уч. зап. Урал. гос. ун-та. Сер. ист.; Вып. 9); Терещенко Е. И. Реформа П. Д. Киселева и движение крестьян Зауралья в 30—40 годах XIX в. // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Курган, 1971. С. 484—493; Байдин В. И. Новые источники по истории крестьянских волнений на Урале в 40-е годы XIX в. // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. Свердловск, 1979. С. 90—96; Мамсык Т. С. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX в. Новосибирск, 1987. С. 153—178; История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 447—453; Побережников И. В. Общественно-политические взгляды русских крестьян Сибири в период позднего феодализма. Новосибирск, 1989. С. 17, 23, 26—31, 45—49; и др.

²¹ Девич П. П. Картофельный бунт в Пермской губернии в 1842 г. (Рассказ П. Г. Гурина) // Рус. старина. 1874. № 5. С. 86—120; Валевский М. С. Волнения крестьян в Зауральской части Пермского края в 1842—1843 гг. // Там же. 1879. № 11. С. 411—432; № 12. С. 627—646; Зюлотницкий В. Памяти В. Я. Кокосова // Рус. богатство. 1911. № 12. С. 117; Кокосов В. Я. Краткие автобиографические сведения // Материалы по изучению Пермского края. Пермь, 1915. Вып. V. С. 69—78; Билюков В. П. Дореволюционный фольклор на Урале. Свердловск, 1936. С. 181—184; Он же. Урал в его живом слове. Дореволюционный фольклор. Свердловск, 1953. С. 257—263; Он же. Уральская копилка. Свердловск, 1969. С. 9; Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг. М., 1961. С. 431—442, 447—508.

циальных бумагах «орла» государственной печати «медведем» пермского губернского герба как доказательства передачи их «в удел». Дальнейшие события способствовали росту напряженности в государственной деревне. В 1830—1831 гг. по России прокатилась холерная эпидемия, в 1832—1833 гг.—неурожай. «Годы 1833, 34 и 40 будут отмечены трауром в наших летописях из-за почти повсеместного голода, поразившего страну и обличающего некий коренной порок в общественном хозяйстве,— писал декабрист Михаил Лунин в 1840 г.— В длительных мучениях голода в своих лачугах погибли и гибнут ежедневно тысячи кормильцев и защитников государства, на которых бедствия народные падают всюю своей тяжестью. Во всяком бедствии есть предел, который приводит народ в движение»²². В Приуралье волнения начались осенью 1834 г. в Красноуфимском и Кунгурском уездах Пермской губернии. К началу 1835 г. властям удалось немного сбить накал выступлений, но все же апогей их пришелся на лето наступившего года, когда в Бродовской волости Кунгурского уезда между восставшими крестьянами и правительственными войсками развернулось настоящее сражение, причем победа последних отнюдь не была предreshена с самого начала. Затем волнения перекинулись на север Оренбургской губернии, где восстало башкирское население шести кантонов. Крестьяне отказывались платить государственные подати, выбирать участковых старост в соответствии с новыми правилами. Среди староверов и мусульман распространялись слухи о насильственном введении официального православия. По-прежнему будоражили умы печати «барина Медведа».

События 1834—1835 гг. ускорили подготовку реформы управления государственной деревней. Задачу противостояния кризису крепостнического хозяйства призвано было решить созданное 26 декабря 1837 г. Министерство государственных имуществ, во главе которого встал генерал П. Д. Киселев, имевший прочную репутацию либерала. Новое министерство должно было упорядочить управление государственной деревней, собирать с государственных крестьян подати и повинности, охранять их права, улучшать хлебопашество и скотоводство, переселять малоземельных на свободные земли, собирать запасы хлеба на случай неурожая, содержать больницы и ветеринарные пункты, оказывать помощь погорельцам и т. д. Несмотря на, возможно, самые благие побуждения Киселева, конечная цель, поставленная перед его министерством, была утопична и обречена на провал. Волнения вспыхнули сразу же, как только новый министр стал проводить свой план в жизнь. Назначаемость лиц крестьянского самоуправления, обязательное ношение ими кафтанов установленного образца, сбор «запасного хлеба», выделение

²² Лунин М. С. Письма из Сибири. М., 1987. С. 139.

участков земли под посевы картофеля — во всем крестьяне видели попытку передать их «в удел» или «министру Киселеву». Под лозунгами недоверия этим нововведениям весной 1841 г. начались волнения в Осинском уезде Пермской губернии. Они были подавлены силой оружия. Следующей весной бунты начались в Камышловском, Ирбитском, Екатеринбургском и Шадринском уездах. В Далматовской волости Шадринского уезда крестьяне создали свое выборное правление и защищали его с оружием в руках. В Вятской губернии уничтожали посадки картофеля. Еще через год волнения прокатились от Шадринского до Челябинского уезда Оренбургской губернии, Тобольского и Курганского уездов Тобольской губернии. Количество участников исчислялось тысячами. При подавлении были использованы воинские команды с артиллерийскими орудиями.

Бунт против посадок картофеля, новых печатей, кафтанов с позументами должен представляться разумному человеку взрывом слепой агрессивности, «разрушительной страсти», корни которой таятся где-то в глубинах подсознания. Именно такой подход при объяснении подобных явлений разделяли фактически все основоположники социальной психологии (Г. Ле Бон, Ж. Тард и др.)²³, а истоки его следует искать, видимо, еще в античной философии. Олпорт, например, назвал родоначальником иррационалистической традиции Платона²⁴. При любых взглядах на проблему соотношения сознательного и иррационального в народных движениях трудно не согласиться с критиками Гюстава Ле Бона, охарактеризовавшими систему его представлений о действиях «толпы» (понятие, которое Ле Бон трактовал очень широко) как «фактически бесконечный справочник... всего глупого, зверского и примитивного в человеке»²⁵. В 30—50-е гг. XX в. наиболее авторитетным защитником этой традиции был испанский философ и публицист Хосе Ортега-и-Гасет. И хотя и Ле Бон, и Ортега-и-Гасет делали оговорки о том, что употребляемые ими понятия «толпа» и «масса» не следует отождествлять с понятиями «народные массы», «трудящиеся массы»²⁶, логика их рассуждений неминуемо приводила к выводу, что движения низов, в которые избранное меньшинство не привнесло свои идеи, по сути своей иррациональны и чреватые лишь разрушениями и насилием. Данная традиция сохра-

²³ Le Bon G. The crowds. A study of the Popular Mind. L., 1909; Гард Ж. Общественное мнение и толпа. М., 1902; Сигеле С. Преступная толпа. СПб. 1896; и др. Оценку данных работ с точки зрения ортодоксальной марксистской социальной психологии см.: Гибш Г., Форверг М. Введение в марксистскую социальную психологию. М., 1972. С. 22—27.

²⁴ Allport G. W. The Historical Background of Modern Social Psychology. Cambridge, 1954. P. 29.

²⁵ Milgram S., Toch H. Collective behavior: crowds and social movements // Handbook of Social Psychology. 1968. Vol. IV. Reading Mass. P. 544.

²⁶ Грушин Б. А. Массовое сознание. Опыт определения и проблемы исследования. М., 1987. С. 161; Ортега-и-Гасет Х. Восстание масс // Вopr. философии. 1989. № 3. С. 121—122.

няет господствующее положение в немарксистской философии, социологии, социальной психологии и в настоящее время, хотя уже не является единственной.

Марксизм со времени своего возникновения занял по этому вопросу диаметрально противоположную позицию, основывая аргументацию прежде всего логикой классово-борьбы. «Когда народные массы сами, со всей своей девственной примитивностью, простой, грубоватой решимостью, начинают творить историю..., — писал В. И. Ленин, — тогда буржуазия чувствует страх и вопит, что «разум отступает на задний план»²⁷. «...Неудивительно, что всякий раз, когда правящие классы оказывались не в состоянии удерживать в повиновении низы, они изображали «толпу» как многоликое чудовище, тупое и бессмысленное», — через десятилетия повторяет эту мысль современный английский марксист Джордж Рюде и, доказывая, что выступления английских и французских трудящихся «доиндустриальной» эпохи были вполне рациональны, пишет о «твердых целевых установках народных масс; о целенаправленности их действий, даже в тех случаях, когда они выглядели совершенно стихийными»²⁸. Иррациональные моменты в поведении масс долгое время не признавались не только марксистской историей, но и марксистской психологией. Редкие высказывания, имевшие противоположный смысл, не обоснованы серьезно и вызывают лишь недоумение. Например: «Стихийный и в то же время бессознательный характер носили крестьянские бунты»²⁹.

Об изменении отношения советской психологической науки к проблеме бессознательного, иррационального применительно к теории установки будет сказано несколько ниже. Пока же необходимо отметить следующее. Важно суметь посмотреть на причины возникновения «картофельных бунтов» не с точки зрения «разумного человека», а «изнутри» — как виделись они самим восставшим крестьянам. Именно с такой позиции подходил к исследованию духовной жизни иных эпох голландский историк Йохан Хейзинга, которого можно считать одним из основоположников исторической психологии³⁰. Эта же мысль неоднократно высказывалась и другими, в том числе советскими, исследователями³¹.

Чтобы понять крестьянскую оценку «картофельных бунтов», обратимся к преданиям, собранным в первые 30 лет нашего века уральским краеведом и коренным шадрицем В. П. Бирюковым.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 327.

²⁸ Рюде Дж. Народные низы в истории. 1730—1848. М., 1984. С. 239—240.

²⁹ Парыгин Б. Д. Общественное настроение. М., 1966. С. 207.

³⁰ Хейзинга Й. Осень средневековья. М., 1988; Тавризян Г. М. Позднее средневековье как культурная эпоха и проблема Возрождения в работах Й. Хейзинги // Историко-философский ежегодник. 1988. М., 1988. С. 208.

³¹ Алексеев В. М. В старом Китае. М., 1958. С. 53; Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 8; и др.

То, что рассказы, записанные Бирюковым, отделены от описываемых волнений десятилетиями, позволяет ожидать от крестьян более объективных, менее эмоциональных оценок давно прошедших событий. Нельзя сказать, что крестьяне не допускали и мысли о возможной неправомерности действий своих предков. Проскальзывают следующие высказывания: «Была ли она, эта строчка — неизвестно, только хватали попов и писарей, делали на реке проруби, привязывали попов на веревки и протаскивали от одной проруби до другой, чтоб только сознавались, куда девали золотую строчку»³²; «Неизвестно откуда пошел слух, что всех государственных крестьян с их землей и имуществом будут передавать помещикам и что об этом уже есть распоряжение в волостных расправах»³³. Однако преобладали воспоминания о самих поисках «золотой строчки», якобы несшей весть об освобождении, о том, как загнали татарскую конницу в болото, о том, как пришли солдаты с пушкой и т. д. Предания о восстаниях жили как память о героическом прошлом.

Посмотрим, как воспринимались волнения представителями противоположного лагеря. Чиновник особых поручений Хрущов доносил своему начальнику П. Д. Киселеву в рапорте от 16 июля 1842 г.: «...Главною причиною неповиновения Государственных Крестьян и бывших вследствие того в 4-х Зауральских Уездах беспорядков... были нелепые толки, распространяемые злонамеренными крестьянами и некоторыми посторонними людьми, при распоряжении о составлении неприкосновенного запаса яровых семян, о поступлении их будто чрез сие в удел, т. е. по их понятию в господское владение...» Далее Хрущов пишет о том, что в ходе производившегося в 1833 г. осмотра части казенных земель Пермской губернии для обмена их с удельными были допущены злоупотребления, создавшие отрицательное отношение крестьян к «уделу». «Когда новое Управление Государственных Имуществ открыло свои действия, то все распоряжения онаго, водворяющие постоянный порядок вместо прежней почти неограниченной свободы, толкуемые превратно с одной стороны невежеством, а с другой злонамеренностью, стали являться крестьянам как признаки постепенного их перехода в Удельное, то есть Господское состояние. Государственные крестьяне сдешняго края вообще, а в особенности Зауральских Уездов привыкли искони к большой свободе. Уезды Камышловской, Шадринской и Ирбитской преимущественно пред прочими отличаются изобилием почвы и заметным богатством жителей. Сии составляют, можно сказать, житницы Пермской Губернии; крестьяне оных исключительно занимаются хлебопашеством, а зимою возкою хлеба на винокуренные заводы. Не выходя, таким образом, за границы своих уездов и не имея в среде сво-

³² Бирюков В. П. Дореволюционный фольклор ... С. 182.

³³ Он же. Урал в его живом слове. С. 261.

ей крестьян инаго, кроме казеннаго, ведомства, они понятия о прочих состояниях и о существующих для оных постановлениях получали только от приходящих к ним ежегодно в большом числе для разных работ помещичьих и удельных крестьян. Подтверждаемое рассказами сих последних сходство некоторых постановлений существующих и в Удельном ведомстве, как, например, форменных кафтанов, посева картофеля, составления хлебных запасов, жалования волостным и сельским начальникам, назначение писарей от правительства, а не по выбору общества, как было прежде, новые печати без гербов, а с надписями,... все это еще более утверждало крестьян в их заблуждении»³⁴.

Чиновник объясняет причины крестьянских волнений, не прибегая к сомнительным аксиомам вроде «народ всегда к смятению тайно склонен». Это тем более интересно, что почти все советские ученые, исследующие движение 1841—1843 гг., фактически повторяют данное объяснение с той лишь разницей, что причину крестьянского недовольства ищут не в злоупотреблениях, а в самой феодальной системе.

Итак, восставшие крестьяне и их противники, участники, свидетели и исследователи данных событий, т. е. люди разных эпох, убеждений, мировоззрений и типов сознания, — почти все сходятся во мнении, что причины, толкнувшие крестьян на выступления, вполне поддаются рациональному объяснению. Однако обращает на себя внимание следующая характерная особенность волнений: повсеместно (в Вологодской, Олонецкой, Казанской, Саратовской, Вятской, Пермской, Оренбургской, Тобольской, Рязанской, Орловской, Тамбовской губерниях) они вспыхивали не после того, как крестьяне ощущали последствия реформы, а при первых же попытках распространить на них ее действие. «Раньше, чем были введены новые учреждения, с разных концов России стали поступать встревожившие правительство вести о настроении, царящем в государственной деревне, — писал Н. М. Дружинин. — Несмотря на все усилия администрации убедить крестьян, что «новое управление учреждается для доставления им покровительства от всякого рода стеснений», деревня не ожидала ничего доброго от предстоящих нововведений. Все шире распространялись слухи, что новое управление будет устроено по типу удельного или воспроизведет ненавистные порядки военных поселений»³⁵. После перевода в 30-е гг. части государственных имений в удельное ведомство (а в Вятской губернии — и раздачи значительных участков государственной земли помещикам) государственные крестьяне в любом мероприятии администрации были готовы видеть потерю своей прежней относительной свободы. Говоря языком

³⁴ ЦГИА СССР. Ф. 958. Оп. 1. Д. 686. Л. 11—12 об.

³⁵ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне... Т. 2. С. 457.

современной психологии, у них возникла и была зафиксирована установка на защиту своего социального статуса от передачи «в удел» или «под барина». После волнений 1834—1835 гг. эта установка перешла в латентное состояние и находилась в нем до тех пор, пока весть о новых реформах не послужила толчком, актуализировавшим ее.

Наличие у крестьян сильной фиксированной установки подтверждается и их поведением во время волнений. Ассессор пермской палаты государственных имуществ Золотницкий писал, что крестьяне «противятся исполнению всех распоряжений Начальства, с Высочайшей Воли последовавших, как то: в отношении посева картофеля, употребления вновь введенных штемпелей, выданных волостным и сельским Начальникам, не дозволяют им носить кафтаны по Высочайше утвержденному рисунку, требуют служить без определенного сельского и волостным Начальникам жалования, ... превратно толкуют распоряжения Правительства о учреждении неприкосновенных запасов яровых семян, отзываясь, что этим последним распоряжением они отходят в удельное ведомство»; «на делаемые им членами Камышловских Земского Суда и Окружного управления Государственных Имуществ внушения и увещевания, чрез приходских священников о повиновении властям, они не внимают»³⁶. Это весьма типичное описание действий восставших масс, в которых не заметно ни малейшего стремления найти компромиссное решение. Видимо, свою лепту в разжигание страстей внесли и чиновники, едва ли пытавшиеся серьезно рассмотреть доводы противоположной стороны³⁷.

Но вернемся к вопросу о рациональности действий восставших, к тому, насколько они объяснимы с точки зрения обыденной логики. Легко можно объяснить восприятие крестьянами сбора «запасного хлеба» и насильственного выделения части крестьянской земли под посадки картофеля как наступление на свои права. Но как объяснить, например, изменение отношения к самому картофелю, неожиданное определение его как «чертова яблока», которым в начале времен Ева соблазнила Адама, а ныне их, крестьян, стремятся обратить в «антихристову веру»³⁸? Это тем более кажется странным, так как, по мнению А. И. Герцена, а вслед за ним и многих исследователей, крестьяне уральского региона были знакомы с картофелем задолго до «картофельных бунтов»³⁹. Еще более осложняет рациональное

³⁶ ЦГИА СССР. Ф. 44. Оп. 2. Д. 1207. Л. 5—5 об.

³⁷ Надирашвили Ш. А. Установка ... С. 337.

³⁸ Наумов А. Указ. соч. С. 74; Дружинин Н. М. Государственные крестьяне ... Т. 1. С. 471.

³⁹ Герцен А. И. Былое и думы. М., 1937. Т. 1. С. 441—442; Савич А. А. Из истории... С. 61; Он же. Очерки... С. 54; Наумов А. Указ. соч. С. 74; Дружинин Н. М. Государственные крестьяне... Т. 1. С. 475; История Урала... 1989. С. 450.

объяснение несомненно искренней веры в легенду о «чертовом яблоке» то, что, стремительно распространившись в 30—40-е гг. она так же быстро исчезла после завершения реформы П. Д. Киселева. «Интересна эволюция отношения к картофелю на Урале», — пишет В. И. Байдин. — «Вслед за традиционной статьей осуждающей «поганую картошь», в сборнике Красноуфимского собрания, относящемся к последней четверти XIX века, следует рассказ о том, что святые отцы на Синае употребляли в пищу картофель «угодивши богу мнози сим воздержанием»⁴⁰. Не встречается тема «чертова яблока» и в крестьянских преданиях собранных Бирюковым. Для того чтобы объяснить метаморфозы крестьянских верований, необходимо поднять вопрос более общего характера — о рациональности, осознанности самого феномена установки.

С тех пор, как представители Вюрцбургской школы психологов определили место установки на грани сознательных и бессознательных явлений, в психологической науке разгорелась дискуссия о природе установки с точки зрения ее отраженности в сознании. Не углубляясь в изложение данной дискуссии, остановимся только на точке зрения, представленной ныне в советской психологической науке. Начиная с 20-х гг. советские психологи, увлеченные борьбой с фрейдизмом (кстати, сделавшим установку одним из ключевых понятий) и прочими «буржуазными» направлениями, идентифицировали понятия «психическое» и «сознательное», создавали чисто рассудочную модель человеческой психики, получившую в научном сленге название «однополушарного мышления». Лишь в последнее десятилетие проблема бессознательного стала серьезно интересовать наших психологов. Более того, в своей последней обобщающей работе Д. Н. Узнадзе предложил заменить понятие «бессознательное» понятием «установка». Бессознательное, утверждает он, это психический процесс, «протекающий без участия сознания, однако, несмотря на это, оказывающий решающее воздействие на все содержание сознательной психической жизни... В этом случае возникает мысль, что понятие бессознательного должно быть отвергнуто и вместо него введено понятие, имеющее позитивное содержание, а именно, понятие установки»⁴¹. Данное выделение нуждается в дополнительном пояснении. Узнадзе выделил две формы установки: **низшую** — примитивную, возникающую под воздействием потребностей и предметной среды, и **высшую**, в формировании которой помимо указанных факторов принимают участие мышление и воля. Социальная установка, несомненно, занимает привилегированное положение среди установок второй формы, и сознание вносит в ее формирование весомый вклад.

⁴⁰ Байдин В. И. Указ. соч. С. 95.

⁴¹ Цит. по: Надирашвили Ш. А. Установка ... С. 83.

Учитывая сказанное, попытаемся разобраться, как субъект должен воспринимать явления, относительно которых у него имеется фиксированная установка. Ш. А. Надирашвили пишет: «Установочное отображение не есть зеркальное запечатление действительности. Это селективное, избирательное отображение»⁴². Как происходит селекция? Установка направляет внимание субъекта на те явления, их стороны и характеристики, которые имеют для него некоторую ценность (положительную или отрицательную, действительную или иллюзорную). Более того, фиксированной установке присуще свойство, которое Унадзе назвал ее генерализацией. Надирашвили так объясняет суть этого свойства: «Чем сильнее фиксируется установка, тем легче распространяется ее действие на объекты, имеющие отличное содержание, тем больше эффект ее действия»⁴³.

Особенностью установочного отображения, генерализацией установки легко объяснить, почему крестьяне, сфокусировав свое внимание на тех сторонах реформы, которые, как им казалось, подтверждают намерения властей посягнуть на их социальный статус, не обратили внимания на полное отсутствие прямых доказательств этого посягательства. Так, в отношении к картофелю стало важно лишь то, что его сажают и в удельных, и в господских деревнях и что его пропагандируют власти. Отсюда и странный вывод о том, что в самих посадках картофеля заключена опасность закабаления.

Несомненно, что посадки картофеля, новые печати и кафтаны вызывали возмущение крестьян как символы отдачи их «под барина» или принятия ими «антихристовой веры». Можно уверенно сказать, что чем больше свойствен мышлению субъекта символизм, тем легче проходит процесс генерализации установок. И. Хейзинга писал: «Символизм, рассматриваемый с точки зрения казуального мышления, представляет собой нечто вроде умственного короткого замыкания. Мысль ищет связь между двумя вещами не вдоль скрытых витков их причинной взаимозависимости — она обнаруживает эту связь внезапно скачком, и не как связь между причиной и следствием, но как смысловую и целевую. Убеждение в наличии такой связи может возникнуть, как только две вещи обнаруживают одно и то же существенное общее свойство, которое соотносится с некоторыми всеобщими ценностями. Или другими словами: любая ассоциация на основе какого бы то ни было сходства может непосредственно обращаться в представление о сущностной мистической связи»⁴⁴. Но остается вопрос о том, в какой степени сознанию уральских крестьян первой половины XIX в. было свойственно символическое мышление, т. е. насколько они были склонны

⁴² Там же. С. 135.

⁴³ Там же. С. 118.

⁴⁴ Хейзинга И. Указ. соч. С. 223.

видеть в социальных и природных явлениях не сами эти явления, а скрытый смысл, который те якобы олицетворяют.

Доказав наличие у крестьян фиксированной социальной установки на неприятие реформы П. Д. Киселева, необходимо попытаться уточнить, что именно служило объектом отрицания. Возможны такие варианты ответа: 1) сами нововведения; 2) методы, которыми они внедрялись; 3) субъект нововведений (ибо крестьяне ощущали себя лишь их объектом).

1. Выше уже отмечалось, что крестьяне начинали волнения еще до того, как могли хоть сколько-нибудь объективно оценить суть киселевских нововведений. Однако этот довод еще не исключает первого предположения. Крестьянам первой половины XIX в. был присущ традиционный тип сознания, одной из существенных характеристик которого является отрицание более или менее значительных и быстрых нововведений⁴⁵. Это могло повлиять, в частности, на отношение к посадкам картофеля. А. Я. Гуревич так обосновывает закономерность этой черты крестьянского сознания: «То обстоятельство, что в аграрном обществе время регулировалось природными циклами, определяло не только зависимость человека от смены годовичных периодов, но и специфическую структуру его сознания. В природе нет развития,— во всяком случае, оно скрыто от взора людей этого общества. Они видят в природе лишь регулярное повторение, не в состоянии преодолеть тирании его ритмического кругового движения, и это вечное возвращение не могло не встать в центре духовной жизни в древности и в средние века. ...Единичное, никогда прежде не случавшееся не имело для них самостоятельной ценности,— подлинную реальность могли получить лишь акты, освященные традицией, регулярно повторяющиеся. Архаическое общество отрицало новаторское поведение. Нормой и даже доблестью было вести себя так, как поступали люди испокон веков»⁴⁶.

Однако как ни сильна эта черта традиционного сознания, ее влияние не было абсолютным. Например, благодаря сосланным в Сибирь декабристам в местах их ссылки распространились многие неведомые до той поры местному населению сельскохозяйственные культуры, в том числе и картофель. Правда, на этом пути сосланных «первенцев свободы» нередко постигала неудача, но в целом можно констатировать, что в одни и те же годы и примерно в одной социальной среде попытки пропаганды новых сельскохозяйственных культур имели разные резуль-

---

⁴⁵ О традиционном типе сознания см.: Левада Ю. А. Социальная природа религии. М., 1965. С. 82—99; Кон И. С. Социология личности. М., 1967. С. 203—205; Он же. Открытие «я». М., 1978. С. 145—183; Миронюв Б. Н. Историк и социология. Л., 1984. С. 127—130, 140—167.

⁴⁶ Гуревич А. Я. Указ. соч. С. 107.

таты⁴⁷. Наконец, напомним, что уральские крестьяне имели опыт знакомства с картофелем еще до насаждения его «сверху».

Отрицательное отношение к нововведениям необходимо учитывать, но очевидно, что это не главная причина волнений 1841 — 1843 гг.

2. Стало общим местом говорить о том, что реформа П. Д. Киселева проводилась «методами грубого насилия» — вполне по-феодалному. При этом обычно упускается из вида, что кроме «кнута» был использован и «пряник». В одном из распоряжений Киселев писал: «Его Величество, желая способствовать найвысшему развитию сей отрасли сельского хозяйства (картофелеводства.— В. Ш.), имеющего столь близкое отношение к обеспечению народного продовольствия, в 16 февраля сего года Высочайше повелеть мне соизволил принять по казенным селениям надлежащие по сему предмету меры и для общего соревнования, как между Государственными крестьянами, так и крестьянами других ведомств, равно и городскими сословиями, занимающимися земледелием, независимо от наград медалями, назначить за отменные успехи особая денежные премии...»⁴⁸ Распоряжение было издано 31 марта 1842 г., когда крестьянские волнения в Камышловском и Шадринском уездах лишь начинали разгораться, но не остановило их.

3. Не отрицая полностью двух первых вариантов, предпочтение, видимо, следует отдать третьему: объектом отрицания служил сам источник нововведений. Доброе отношение к декабристам приводило к тому, что из их рук принимались новые сельскохозяйственные культуры, настроенно-отрицательное отношение к администрации — к тому, что пропаганда тех же культур даже «пряничными» методами воспринималась враждебно.

Сделанное предположение хорошо согласуется и с данными экспериментальной психологии. В эксперименте, проведенном в 1941 г. американской исследовательницей Луис, группы студентов реагировали различным образом на одни и те же политические лозунги в зависимости от того, чьими именами они были подписаны. Выводы Луис о зависимости реакции на информацию от отношения к ее источнику были подтверждены и развиты в работах других психологов⁴⁹.

Итак, недоверие к «тартуфелю», печатям с медведями и кафтанам с позументами — все нелепости, которыми пестрят крестьянские мотивировки восстаний, объясняются сильной фиксированной установкой государственных крестьян на недоверие администрации. Отнюдь не все в этой мотивировке поддается рациональному объяснению, что вполне закономерно: социаль-

⁴⁷ Чуковская Л. Декабристы — исследователи Сибири // Декабристы в Сибири. Новосибирск, 1952. С. 63—65.

⁴⁸ ГАСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 18. Л. 22.

⁴⁹ Дэвис Д. Э. Указ. соч. С. 59—61.

ная установка выходит за рамки сознательного. Можно предположить, что «механизм» установки действовал подобным образом и во всех прочих народных движениях («картофельные бунты» выбраны как объект исследования в достаточной мере случайно).

В заключение приведем высказывание Б. Н. Миронова: «Историческая психология — наука молодая и «неопытная», в ней еще столько неясного, что первые результаты ее применения в конкретном историческом анализе и не могут быть иными, чем более или менее удачными гипотезами»⁵⁰.

---

⁵⁰ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 141.